

УДК 323.22(470+571):316.334.3

О. А. Мирясова
РОССИЙСКАЯ ГЛУБИНКА И МЕГАПОЛИСЫ: ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ
ПРОТЕСТНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

МИРЯСОВА Ольга Александровна — младший научный сотрудник Института социологии РАН, сотрудник института «Коллективное действие». E-mail: taoom@riseup.net.

Рассматривая массовые протестные выступления 2011–2012 гг. в России, автор видит в их основе морально-ценностные основания, которые приближают протестное движение к феномену новых социальных движений. Автор различает характер протестов в Москве и в российской глубинке, подчеркивая, что в последней они имеют не только ценностное, но и прагматическое измерение и не стали массовыми из-за дефицита организационных ресурсов и возможных больших издержек от участия в них. На основе анализа интервью с активистами протестных выступлений автор делает вывод, что самыми распространенными ценностными предпосылками протестов являются ощущение несправедливости, возмущение пренебрежением власти к людям и невозможность участия в принятии решений.

Ключевые слова: социальные движения, ценности, мобилизация, протестная активность, протесты, мотивация, мотивация протеста, социальные конфликты.

Судя по опросам участников протестных выступлений декабря 2011 — весны 2012 г., состав протестующих по социально-демографическим характеристикам разнороден. Отсюда возникают идеи про креативный класс, средний класс и рассерженных горожан — понятия, которые предполагают сочетание принадлежности к определенной доходной или профессиональной группе и определенных жизненных установок как оснований для объединения. На наш взгляд, недавние уличные протесты обладают многими чертами новых социальных движений: резким неприятием власти без выдвижения конкретной политической программы, ориентацией на разнообразие форм активности, самоуправлением и скептическим отношением к традиционной «большой политике», а также ценностными основаниями для протеста, которые выражаются в наборе конкретных требований (наиболее распространенные — «честные выборы» или «Россия без Путина»), но их ценностная подложка не теряет от этого своей значимости.

Новые социальные движения — дитя сытой Европы, но и кризисные явления в экономике не снизили их значимости.

© Мирясова О.А., 2012

Спектр их тематики (а также уровень глобальности темы) чрезвычайно широк: от отказа от убийства животных ради меха до запрета атомной энергетики, от требования сохранения льгот для фермерских хозяйств до изменения политики в отношении стран третьего мира. Важно, что в каждом случае основанием для протеста становятся интересы не определенной социальной группы, к которой принадлежат протестующие, а интересы всего общества, как их понимают протестующие. Подобные основания стоят и за последними протестами в России, если даже вывеской для них стали честные выборы или «правильный» президент.

Исследования мотивации и ценностей участников протестов требуют более длительных и глубоких интервью (или других методов исследования), чем те, которые обычно проводятся на протестных акциях. Возьмем на себя смелость предположить, что на эти акции выходят люди, близкие по мировоззрению к участникам социальных движений и инициативных групп, которые в течение многих лет изучает Институт «Коллективное действие». В 2011 г. социологи провели очередную серию интервью с активистами в различных регионах России: 54 интервью в шести городах и трех селах — Химки (Московская область), Санкт-Петербург, Калининград, Астрахань, Сасово и Сасовский район (Рязанская область), Рубцовск (Алтайский край)²⁰. Анализ интервью позволяет выдвинуть ряд предположений о причинах массовой мобилизации за последние полгода. На наш взгляд, протестующих объединяют не проблемы материального плана, отсутствие «лифтов» или принадлежность к определенной ущемленной социальной группе, а ценностные основания, в частности ощущение несправедливости от происходящего вокруг, возмущение пренебрежением власти к людям и невозможностью участия в принятии решений.

Отметим еще несколько важных моментов. Во-первых, массовая мобилизация произошла прежде всего в благополучной Москве, скорее всего, потому что запрос на справедливость (не только лично для себя, но и для других) и морально-этические основания возникают среди людей, решивших базовые экономические проблемы.

На ощущение неудовлетворенности жизнью влияет и высокая рискогенность российского общества. Люди уверены, что никто ни за что не отвечает, государство не гарантирует безопасности даже в самых важных сферах жизни. Причины — и в коррупции, и в бездарности чиновников, попавших на теплые места по блату, и в недостаточном финансировании. Многие реформы проводятся без обсуждения с заинтересованными субъектами и падают на граждан, словно снег на голову. В этой ситуации высокий уровень жизни заметно обесценивается в глазах москвичей, поскольку есть опасение потерять его в любой момент, стать жертвой плохо работающей управленческой системы.

Еще одна особенность Москвы — активное и постоянное освоение («присвоение чужаками») городского пространства при его тотальном дефиците. В плотно застроенных Москве и ближнем Подмосковье — это один из самых распространенных видов социальных конфликтов. Нет ни одного района, где бы за последние годы ни возникали инициативные группы, борющиеся за сохранение парка или леса, архитектурных памятников или против уплотнительной застройки. Жители воспринимают это пространство как общее благо, на которое покушаются власть и бизнес. Эта проблема встает тем более остро, поскольку власть, формально находящаяся на службе у горожан, в действительности не учитывает их мнение, превращает общественные слушания в фикцию, включает грязные пиар-технологии вместо

²⁰ Исследование проводится Институтом «Коллективное действие» в рамках проекта «Городские движения в современной России: в поиске солидарных практик» (2011–2012 гг.).

реального поиска компромисса. И, как правило, жители в этих конфликтах проигрывают, что также не способствует положительному имиджу власти.

Если жители провинции зачастую не чувствуют себя достаточно образованными, чтобы вмешиваться в систему госуправления и протестовать против решений чиновников, то высокообразованные жители Москвы, напротив, готовы противопоставить свою компетентность некомпетентности чиновников. Они подробно изучают проблему с точки зрения законодательства, привлекают независимых экспертов, составляют аргументированные обращения в надзорные инстанции и подают в суд. Но суд и прокуратура в большинстве случаев также не хотят разбираться в проблеме или занимают сторону властей. Образованность влияет и на подверженность граждан пиар-технологиям — манипуляции оппонентов в процессе конфликта легко распознаются активистами. Даже если у них недостаточно ресурсов, чтобы публично разоблачить псевдодискуссии и псевдоэкспертизы, негативное отношение к власти укрепляется не только у них лично, но и в ближайшем кругу, с которым, как правило, активисты обсуждают волнующие их проблемы.

Высокая образованность участников протестов отмечается в большинстве социологических опросов, проводившихся в ходе уличных акций.

Недовольство (отчасти связанное с личным опытом, отчасти — с различными источниками информации) накапливается в самых разных сферах жизни россиян. Это может быть и профессиональная сфера, где вмешательство государственных структур нередко противоречит здравому смыслу (например, в образовательных учреждениях), и социальная сфера, к которой, несмотря на явно профицитный бюджет, немало претензий, и многочисленные коррупционные истории. В 2011 г. 66% населения РФ выразили несогласие с суждением «В делах страны многое зависит от простых граждан» (согласие — 15%), в 2001 г. таких было 47% (согласие — 25%)²¹. Обычно эти цифры истолковывают как объяснение массовой пассивности населения. Но они же являются показателем недовольства людей уровнем включенности в систему принятия решений, которое становится причиной массовых протестов.

Вернемся к ценностным основаниям протестов. При анализе глубинных интервью с активистами социальных движений бросается в глаза, что люди не склонны к абстрактным и высокопарным рассуждениям. Понятия «справедливость», «права человека», «солидарность» в их ответах встречаются довольно редко. Описывая свое поле деятельности, свои проблемы или делая замечания об актуальной социально-экономической и политической ситуации в стране, участники интервью говорят прежде всего о несправедливости и унижении, которое они постоянно испытывают.

Недовольство властью, системой принятия решений, судами, надзорными инстанциями, политическими и административными лидерами, «Единой Россией» является общим местом. Тем не менее очевидно, что даже за словами людей о несовершенстве управленческой системы стоит несоответствие происходящего их представлениям о должном в моральном смысле. Это одинаково свойственно и активистам с большим опытом участия, и вовлеченным незначительно — изредка посещающим митинги, помогающим в сборе подписей, выполняющим разовые просьбы активистов инициативных групп.

²¹ Данные исследований ИС РАН «Десять лет реформ глазами россиян» (2001) и «Двадцать лет реформ глазами россиян» (2011). Цитируется по: Петухов В.В. Гражданское участие в контексте политической модернизации России // Социологические исследования. 2012. № 1.

Если подходить строго, то интервью с активистами в разных регионах и различных по количеству населения городах не могут быть однозначно перенесены на Москву. Но, как показывает наш опыт, мотивация активистов не зависит от типа поселения, поэтому мы считаем это допущение возможным.

Есть люди, которые приходят в социальные движения в связи с убеждениями морально-этического плана, без связи с личной проблемой.

«Я ходил на всякие экологические группы и искал себе место. А начал я общественную деятельность вообще с благотворительности: меня очень беспокоил голод в Африке» (мужчина, 24 года, участник экологического движения, опыт участия — 3 года, ближнее Подмосковье).

«Человек вообще приехал, она не местный житель, но ее это задело, потому что она видит в этом несправедливость огромную. И таких людей много. Они приходят к нам, и мне кажется, это и есть момент гражданственности, потому что, что такое гражданин? Это человек, который взаимопомогает» (женщина, около 30 лет, участница экологического движения, опыт участия — 4 года, ближнее Подмосковье).

Ощущение несправедливости от происходящего вокруг и возмущение пренебрежением власти к людям в мотивации активистов тесно связаны.

«Я пришла на митинг против воровства во власти, потому что... ничего не делается в стране. Я думаю, что через пять лет будет очень плохо. Мне страшно, мне просто страшно. ...Никогда такого не было, наши родители кровь проливали, дерево срубить не могли. Лес рубят... Вообще, дожить до такого... Правый берег — это же все искусственные берега создавались, водоохранные...» (женщина, около 50 лет, посетитель экологического митинга, ближнее Подмосковье).

«Мне не нравится то, что происходит в нашем городе. Да, меня это не устраивает, и я не знаю пока другого способа борьбы, чем хотя бы ходить на такие мероприятия. ...На самом деле у нас делаются некоторые вещи, достаточно симпатичные, за которые большое спасибо. Но вот строительство — это более глобальное, т.е. то, что сейчас идет застройка, то, что вырубается достаточно много деревьев, то, что эта застройка совершенно не рассчитана на наш город, потому что дома-то строят, но при этом не строят ни детские сады, ни школы, ни поликлиники» (женщина, около 30 лет, посетитель экологического митинга, ближнее Подмосковье).

«Я просто прихожу сказать, что нас, жителей, стерли в порошок, нас просто уничтожили: нас лишили воздуха, лишили леса, лишили нормальной жизни, которой мы жили — нас просто уничтожили. И вот стоит милиция, она избивает наших активистов, она их забирает, сутками в тюрьме держит. Она их под суд отдает — это что? Это уничтожение жителей» (женщина, около 55 лет, посетитель экологического митинга, ближнее Подмосковье).

«Ситуация, когда власть пробует, насколько еще можно сократить жизненное пространство жителей, к сожалению, не только для жителей нашего города типична» (мужчина, около 40 лет, участник экологического движения, опыт участия — 3 года, ближнее Подмосковье).

Об ущемленности личного достоинства люди говорят в связи с разными явлениями, в том числе существенным имущественным расслоением, невозможностью воспользоваться общественными ресурсами.

«...У нас вот эти подрастают, ну, новые русские, уже второго поколения которые... Нашего брата они даже не считают за людей. Мы как вот... муравьи в рабочем муравейнике» (из коллективного интервью двух мужчин средних лет, уволенных в связи с закрытием предприятия, периодически участвуют в митингах, Рубцовск).

Многие активисты, изначально решавшие исключительно свою личную проблему или проблему ближайшего круга (увольнения, отсутствия ремонта в многоквартирном доме и т.д.), постепенно формируют представления о стратегии борьбы, выходят на цели намного более общего характера.

«Это наша борьба за наше существование. Борьба с Лукойлом, борьба с “лифтовиками”, это тоже политика. Я считаю, что народ должен делать политику. А вот депутаты наверху, партии, это уже я считаю политические интриги. Там уже не политика, там политические интриги. А политика она вся снизу должна быть, от народа» (женщина, 55 лет, активистка движения жилищного самоуправления и других социальных движений, Астрахань).

«Общая цель — победить несправедливость. И еще: открыть глаза большому количеству людей... я стараюсь теперь объяснять людям, зачем, почему... я объясняю, что не выйдете на улицу, не придете на митинг, не постоите, они только... Власть боится только этого и примет меры она, только когда публичные выступления народа, именно народа» (женщина, около 35 лет, профсоюзный активист, опыт участия — 1,5 года, Калининград).

Очень часто активисты описывают проблему не только в связи с их конкретным материальным интересом, но и как воплощение несправедливости существующего положения вещей. Это повышает ее значимость, уполномочивает их действовать более активно.

«Дело не в том, что 73 человека выгнали за территорию, частично уже устроили, конечно. ... Мы в набат бьем почему? Мы же о городе заботимся, да. А дело в том, что нет будущего у города, нет будущего... Сейчас водоканал... Рванет где-нибудь труба, другого источника нету... Мы же обращались и к городской администрации, и к местной прокуратуре нашей, и в МЧС наш, и в МЧС России обращались, мы обращались к губернатору на сайт — мы везде, мы все инстанции прошли, все. Но администрация заявляет, что она без нашей станции справится» (из коллективного интервью двух мужчин средних лет, уволенных в связи с закрытием предприятия, периодически участвуют в митингах, Рубцовск).

Рефреном во многих интервью звучат жалобы на отсутствие поддержки властей при обращении за помощью или открытое их противодействие.

«Единая Россия» нам сразу сказала: «Да, я, конечно, как женщина женщину понимаю вас, что вам детей кормить надо и что вам деньги, но я вам ничем не могу помочь». Это первые, к кому мы обратились — «Единая Россия». Правящая партия. — «Единая Россия» — там одни олигархи. Что они, за нас что ли будут?» (из коллективного интервью нескольких женщин пенсионного и предпенсионного возраста, добивавшихся выплаты зарплаты на последнем месте работы, периодически участвуют в митингах, Рубцовск).

«А что собираемся делать? Ну, я написала надзорную жалобу в край, краевой суд, но ответа пока нет. Но я слышала, что и край уже не в нашу пользу. Но вот я писала и в Генеральную прокуратуру, и в следственный отдел, и на Президента писала, и на Путина писала, но в ответ тишина» (женщина, 63 года, жилищное движение, периодически участвует в митингах, Рубцовск).

«Но народ накален, вот ЖКХ, эти непомерные тарифы, эти непомерные низкие астраханские зарплаты, и везде стена, беспредел!» (женщина, 35 лет, активистка жилищного движения, юрист по профессии, Астрахань).

«А вот чтобы на уровне государства это все делалось — мы до этого, наверное, не доживем. Поэтому получается, что мы должны все это контролировать — делают, не делают, вывозят, не вывозят. На государство надеяться не приходится» (женщина, 45 лет, экологическое движение, Сасовский район).

Остается важным вопрос, почему же недовольные так долго не выходили на митинги и вдруг вышли в декабре 2011 г. и продолжили выходить в последние полгода? Во-первых, недовольство обладает свойством накапливаться и достигать того уровня, когда человек уже готов действовать, а не только рассуждать. К декабрю 2011 г. люди с активной гражданской позицией, видимо, окончательно разочаровались в возможностях влиять на ситуацию в стране или городе с помощью выборов.

«Я просто знаю некоторых местных жителей, знакомых, хорошо знакомых, которые года два назад постоянно ходили на митинги, постоянно выступали с протестами, но сейчас они говорят, что надо просто поменять власть. Потому что все наши протесты на уровне, скажем, схода неэффективны. Надо ждать выборы, и мы будем просто менять власть в стране» (мужчина, около 35 лет, инициативная группа против строительства дороги, опыт участия — 1,5 года, ближнее Подмосковье).

«Выборы... Противно и мерзко на душе, жутко до сих пор. Я разуверилась и разочаровалась. Многие говорят, что больше никогда не будут участвовать в выборах, у меня тоже мало желания. Только вот я понимаю, что это нужно...» (женщина, 55 лет, активистка движения жилищного самоуправления и других социальных движений, Астрахань).

«Молодой Путин был, когда выбрали, думали, что-то изменится, что-то как-то даже старались поддержать в этом, а сейчас уже видим, что ничего не меняется — все хуже, хуже и хуже. ... Как только, я думаю, «Единая Россия» победит опять у нас, увеличат они пенсионный возраст — даже не сомневаюсь в этом. Все это сделают» (женщина, 63 года, жилищное самоуправление — старшая по дому, опыт участия — 3 года, Рубцовск).

Во-вторых, важным мобилизующим фактором является значимость события и затраты на его участие. Безусловно, в Москве людей привлекали именно многотысячные акции как

события, которые не только нацелены на решение проблем, они значимы даже в исторической перспективе. При этом затраты на участие в них не слишком велики (если сравнивать с затратами на организацию любой уличной акции, судебными исками или созданием инициативной группы по конкретной проблеме), а значит, участие в них не нарушает привычного течения жизни, не создает угроз (например, угрозы потерять работу или быть избитым в случае локальных инициатив). В-третьих, в Москве большее количество людей черпает информацию из альтернативных политическому мейнстриму источников — Интернета, радио «Эхо Москвы», «Новой газеты», ряда других независимых СМИ.

Активисты в небольших городах реже выходят на акции под абстрактными лозунгами, но могут собрать до нескольких тысяч человек по поводу конкретной локальной проблемы. Во многом это обусловлено недостатком организационных ресурсов и более острой проблемой репрессий со стороны оппонентов (увольнений, физического насилия, нанесения ущерба собственности и т.д.).

Приведенные выше цитаты взяты из интервью с активистами самого разного уровня — от лидеров до периферии группы поддержки. Конечно, это очень незначительная социальная группа, но эти люди являются лидерами общественного мнения в своем кругу. А с учетом того, что радиус доверия в России невелик, они в значительной степени формируют политическую повестку, отношение к власти и ее институтам.

Формирование повестки, отношения к происходящему — первый шаг на пути к мобилизации. Второй делают далеко не все. К нему в большей степени склонны люди с активной жизненной позицией, установкой не на встраивание, а на выстраивание. Преобладание таких людей в московских протестах отметил в своем докладе на заседании Научного совета ВЦИОМ Александр Бикбов. Скорее всего, в мегаполисах таких людей больше по определению, так как они втягивают в себя наиболее активную часть населения, а также предоставляют больше ресурсов для желающих жить в режиме самозанятости, заниматься профессиональным ростом, менять рабочие места. Но самым значимым маркером событий последнего полугодия стало то, что в России появился слой (группа, класс?) людей, которые считают, что жить в такой стране ниже их достоинства.